

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПЕВЕЦ ПОМОРЬЯ

У писателя Павла Кренёва и на самом деле очень светлая проза. Даже когда он пишет о самых тяжёлых периодах жизни своих поморских героев. Возьмите, к примеру, и прочитайте вышедшие книги Павла Кренёва и Людмилы Петрушевской.

У одной, о чём бы она ни писала, получаются “дикие животные истории, жуткие помойные рассказы”, у другого и в самых трагических случаях господствует доброе и светлое начало.

Это даже не литературный стиль, а сам характер, заложенный в писателях. Конечно, если и сравнивать прозу Павла Кренёва со старшими сверстниками, то никак не с Петрушевской или Битовым, а с такими же светлыми Юрием Казаковым и Владимиром Личутиным.

Вот кого надо выдвигать на “Большую книгу”, а не исписавшихся Пелевиных или Сорокиных. Но видно, что светлая русская, высоко художественная проза Павла Кренёва не по зубам руководителям нынешней российской культуры. Им лишь бы Серебренниковых прославить, обеспечить золотым запасом.

Для примера сравню две книги, которые сейчас читаю: Павла Кренёва “Светлый-пресветлый день” и Людмилы Петрушевской “Странствия по поводу смерти”.

Вот описание смерти бабушки Парасьи в повести Кренёва “Поздней осенью, на Казанскую”: “Ночью к бабушке Парасье пришёл Николай Угодник. Он стоял у неё в ногах – худенький, невысокий, седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался. Парасья совсем и не испугалась.

– Это ты пришёл-то ко мне, голубеюшко? – спросила она его. – А я тебе и рада.

Николай ничего не сказал, а только закивал слегка головой и стал манить к себе указательным пальцем. И Парасья поняла: он пришёл за ней и зовёт к себе. Стало быть, пора помирать. Бабушка проснулась...

...Грустные мысли живут с ней рядом постоянно, Парасья невольно давно уже свыклась с ними. Но вот сегодня к ней пришла радость. Это потому, что в своё последнее утро... как в далёком детстве, ласково смотрит на неё Николай Угодник, живший всю жизнь в её сердце. А ещё радостно было оттого, что Парасья твёрдо верила: вымолит она сегодня лучшую долю для своего заблудшего сына, призрит и вразумит его, непутевого, Господь и убережёт по заступничеству Николая Чудотворца её дорогих далёких внученек-кровинушек. Не сомневалась сегодня Парасья, что будет у них счастливая жизнь. А иначе для чего все её страдания и жертвы. Жертвой жизнь ладится...

Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?..”

А вот как нечто подобное описывает Людмила Петрушевская в рассказе “Строгая бабушка”: “У одной девочки была очень строгая бабушка, если не сказать хуже. Как-то раз девочке приснился сон, что её бабушка на самом деле — злая колдунья.

И мы описываем именно такой случай, что взрослая дочь и внучка оказались у такой бабушки причиной всех её бедствий, выросли ни на что не способными дармоедками, живоглотками и чулиндрами, сидящими на шее...

...Тяжёлая полка сорвалась со стены, она лежала на подушках, а острым углом торчала на полу, вся разбитая, разъехавшаяся, и из полки высыпались на пол доллары, они веером валялись повсюду: на тахте, на ковре.

Бабушка торопливо кинулась их собирать, оглянулась на Лену, что-то крикнула, вроде: “Иди, иди отсюда!” — и вдруг ткнулась головой в пол, как будто поклонилась кому-то невидимому...”

В такой прозе никакого свечения явно нет и быть не может.

Светлая проза Павла Кренёва даже противоречит его же собственной официальной биографии, прочитав которую, и от его прозы ждешь нечто в духе боевиков.

Он — выпускник Суворовского военного училища, факультета журналистики Ленинградского государственного университета, окончил Высшие курсы КГБ СССР, аспирантуру Академии безопасности России, стал кандидатом юридических наук. Работал долгие годы в КГБ, дослужился до высших званий и высоких чинов, преподавал в Академии безопасности, занимался научной работой и руководил группой научных сотрудников и консультантов Министерства безопасности РФ по вопросам разведки и контрразведки. Четыре года работал в Администрации Президента РФ в должности куратора спецслужб в Главном правовом управлении. В марте 1996 года его назначили полномочным представителем Президента РФ в Архангельской области. Он достойно участвовал в выборах главы администрации области и не стал губернатором лишь в результате интриг кремлёвских кукловодов: на этот пост требовался более управляемый и послушный кандидат.

... И молодец, что не стал, одним хорошим писателем на Руси стало больше. Не верю я, что перед губернаторами открывается дорога в большую литературу. Да и офицеры госбезопасности, занимающие высокие государственные посты, как правило, в литературу не рвутся.

Другая судьба была предназначена свыше нашему герою, от другой своей биографии он идёт. Официальная биография Павла Григорьевича Поздеева (это его настоящая фамилия) лежит где-то в спецархивах, а я же пишу о своём друге, северном земляке, национальном русском писателе Павле Кренёве, родившемся в деревне Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря 28 октября 1950 года. Повести и рассказы из книги “Светлый-пресветлый день” посвящены жизни на русском Севере, и написаны они с точки зрения так называемого “простого человека”.

Павел Кренёв — из коренных поморов. Вот и писательский псевдоним он взял самый что ни на есть поморский — Кренёв.

Сам автор считает: “Мой творческий псевдоним происходит от прозвища моих исконных предков. Дело в том, что слово “крень” на архангельском, поморском наречии означает твёрдую, извилистую древесину, которую сложно, а то и невозможно перепилить, расколоть. Мои пращуры получили такое прозвище, потому что были они сильными, крепкими мужиками. Вообще, это слово у нас на Севере применяется к людям упорным, упрямым. Я доволен своей новой фамилией, потому что она связывает меня с родовыми предшественниками, питает меня древней поморской волей-волюшкой, наливает силой-силушкой...”

Павел рассказывает о своих земляках: “...Заметьте, даже от выражения “коренной помор” веет былинной крепостью, кондовостью и кренёвой силушкой.

Их трудно обидеть, потому что народ этот не очень-то обидчивый, однако крикну и хулителю, высказавшему ему ненароком незаслуженную ругань, лучше поскорее унести прочь свою нелепую голову.

Это хорошие и рачительные хозяева, умелые и мастеровитые. Каждый помор умеет сшить себе карбас, связать и наладить снасть и на своём карбасе и со своей снастью выйти в открытое море на рыбный и зверовой промысел.

Поморы – последние носители былинного, затерянного, считай, полностью древнейшего уклада Северной Руси, его самобытнейшего языка, который и не сказывался-то совсем, а выпевался в удивительной, былинной, разговорно-песенной вязи народных поморских сказительниц. Живущий доселе на берегах Белого моря народ каким-то чудом пронёс через все лихолетья, бесчеловечные опыты тех, кто душил и разрушал Россию “до основания”, хрустальные частицы подлинной народной культуры, языка и исторического опыта.

Слава Богу за то, что он дозволил мне родиться посреди этих людей, в невероятных красотах северной природы, прямо на берегу очаровательного Белого моря. Сердце моё наполнено постоянной радостью оттого, что я – плоть от плоти этого края. Тут прошло моё, в буквальном смысле, босоное детство. Все мои предки тоже родились здесь, на берегах нашего моря..”

Его родовое сознание оказалось сильнее, чем профессиональные чекистские навыки, по пути Юлиана Семёнова он не пошёл. Зато он прекрасно и естественно пишет о зверье и птицах, как о самодостаточных участниках Божественного мироздания, равных человеку. Его память напоена древнейшей культурой русского Севера. Как говорит писатель, ему не нужно ездить в этнографические экспедиции, чтобы собрать материал для своих книг. Он вестр полон поморским духом, погружён в историю русского Севера. Павел построил на свои деньги в своей деревне церковь, организовал Казаковские чтения.

Может, и хорошо, что он не влился в российскую тусовочную литературную братию, как правило, оплачиваемую либеральными космополитическими магнатами. Его проза демонстрирует откровенно русское национальное сознание писателя. И ему нет дела, что такая национальная проза в России в меньшинстве.

Мне в книге рассказов и повестей Павла Кренёва “Светлый-пресветлый день” зачастую интересен даже не сам автор, которого я и так хорошо знаю, а герои его поморской прозы: дедушко Павлин, дядя Вася, Трофим.. Впрочем, половина его героев – это не люди, а северные звери, тюлени, глухари, лебеди.. Все они весьма и весьма самобытны. По рассказам видно, как автор не выпячивает себя и свою позицию, а абсолютно естественно включает их в канву повествования, и герои его как бы подчиняются не воле писателя, а самостоятельно идут от жизни. К тому же одни герои – поморы, охотники и рыболовы – иногда остро конфликтуют с другими его героями – тюленями, лебедями, глухарями, в результате чего случается гибель и тех, и других.

В рассказе о животных писатель явно на стороне животных, и мы ненавидим Охотника, убивающего такого хорошего глухаря Пеструху, ненавидим убийцу лебедя Свана, любим тюленят Беяка и Пятнышко, спасших начинающую зверобойку Аню. Вот уж жестокий промысел: гренландские тюлени-самки никогда не бросают своих детёнышей, и потому на зверобойных промыслах в добыче почти нет самцов: они, почуяв промысловиков, сразу бросаются со льда в море, остаются только самки и их детёныши. Их сало и мясо спасли в голодные военные годы от гибели и Архангельск, и другие северные города. Потому и стоит в Архангельске памятник самке гренландского тюленя – утельге.

И как совместить правду убиваемой природы и правду охотников?

И вот уже в повестях и рассказах Кренёва о самих охотниках мы соглашаемся с суровой правдой жизни промысловиков. Это даже не забавы охотников-любителей, убивающих всё живое, лишь бы потешить свою страстишку. А рассказ о людях, всю жизнь живущих этим суровым и тяжёлым, и кровавым промыслом, это основной доход для жизни всех поморских сёл. И все эти дяди Трофимы, дяди Васи живут в прозе Павла Кренёва, потому что он их взял из жизни, из своего поморского детства.

Для нынешних либеральных интеллигентов – это всё выдуманные образы, они даже не верят в их существование, но для самого писателя, как и для его читателей, – это народная северная правда. И его поморская книга – это памятник поморской жизни.

И потому Павел Кренёв – самый настоящий народный писатель. Как и его старшие северные братья: Фёдор Абрамов, Василий Белов, Владимир Личутин..

Это часть подлинно русской истинно народной литературы, которая чудом дожила до нашего времени.

Да и во всей мировой литературе именно глубоко национальные писатели определяют её развитие, демонстрируют и народный язык, и народные характеры.

Американский писатель Торнтон Уайльдер писал, что литературный стиль и все словесные эксперименты — это нечто вторичное для писателя: “Смысл литературы есть код сердца. Стиль — лишь обиходный сосуд, в котором подаётся миру горькое питьё”. Самое главное для Павла Кренёва — просто рассказать о простом, добраться до поморского космоса, до северного народного человека.

Ещё в пятом классе, как вспоминают земляки, школьник Паша Поздеев мечтал в своём сочинении, опубликованном в районной газете, что “лоси будут ходить по деревне, как коровы, и есть с рук хлеб, глухари начнут токовать прямо на крышах...” В жизни всё произошло наоборот: и лосей стало меньше, и глухарей не видать, и тюлени исчезают. Да и такие народные писатели, как Павел Кренёв, становятся крайне редкими в современной литературе. Они и становятся последними хранителями былинного уклада поморов — плоть от плоти поморского края!